

Большая и грязная любовь

Автор:

[Анна Гаврилова](#)

Большая и грязная любовь

Анна Сергеевна Гаврилова

Большая и чистая любовь? Здорово, конечно, но когда тебе тридцать, в сказки уже не верится. В принца на белом коне – тоже. В тридцать волей-неволей начинаешь смотреть на жизнь с изрядной долей скепсиса и чем дальше, тем яснее понимаешь – скепсис оправдан.

А любви все равно хочется. Пусть не большой, а маленькой. Пусть не чистой, а... ну хоть какой-нибудь!

Именно так рассуждала Крис, она же Кристина Новикова, грустно сидя у подъезда на лавочке с бутылкой брьюта, и даже не подозревала, что ее желание уже исполнилось. Вот только исполнилось как-то странно. Потому что с утра обнаружилось, что к любви прилагается новый гардероб, новая работа, самодур-шеф и... четкое ощущение грандиозной подставы...

Анна Гаврилова

Большая и грязная любовь

Пролог

- Э... Мы знакомы?

Окинув собачника пристальным взглядом, я пришла к выводу, что вижу его впервые. Хотя... может, и знакомы. Внешность у мужика совершенно непримечательная – весь какой-то типический-типический. Да и псина у него невыразительная, хоть и большая.

- Почти, – «обрадовал» собеседник, а до бутылки все-таки дотянулся. Потом кивнул на мои голые ноги, спросил: – Не холодно?

Вообще-то не жарко – вечер как-никак, да и лето, если верить календарю, еще вчера закончилось. Но не в джинсах же мне идти было.

- Чего надо? – невежливо буркнула я.

- Да просто мимо проходил, – пожал плечами безымянный, приложился к горлышку. – Фу! Да оно же теплое!

- Ну извини... те.

- Можно на «ты».

Угу. Можно, но не нужно.

- Так что случилось? – спросил незнакомец. – Почему пьем?

Очень захотелось послать его в третий раз, только уже не мысленно, а вслух. Но мужчина заглянул в глаза, и во мне что-то переменялось. Вернее – в голове что-то щелкнуло, рот сам собой открылся, а с языка сорвалось:

- Да потому что дура!

- А... поподробнее? – вкрадчиво спросил собачник.

- Ну я же с самого начала знала – не нужно на эту встречу идти!

– Какую встречу?

– С девчонками! С одноклассницами! – Мужик глядел на меня с таким участием, что не выдержала и выдала все свои тайны разом: – Мне тридцать, понимаешь? И я не замужем, и без детей, и вообще! А они все... А я...

– Завидуешь?

– Нет. Да. Ну...

Фух, ну как объяснить? Да еще мужику? Не завидую, разве что чуть-чуть. Просто жалко себя стало. Так жалко, что даже всплакнула в такси.

– А что мешает? – не унимался собеседник.

– То же, что и танцору, – пробормотала я, решительно отбирая «брют». Фига-се он попробовал! Да тут уже на донышке!

– То есть ты любовь ждешь? – догадался незнакомец. Вернее, уже не незнакомец, а собутыльник, но это неважно. – Большую и чистую?

Не зря шампанское охлажденным пьют – когда теплое, от него совсем крышу сносит. В трезвом состоянии я бы такого не сказала:

– Я даже на маленькую и грязную согласна, веришь?

У мужика чуть рот от улыбки не порвался.

– Неа, не верю.

– Зря!

Улыбка собачника еще шире сделалась, хотя казалось – куда уж?!

– Зря? – явно сдерживая хохот, переспросил он. Потом причмокнул и выдал: – Маленькую предложить не могу, а вот большую... Большую и грязную, а?

– Мамочка, а где моя одежда?

Родительница одарила озадаченным взглядом, сделала шаг вперед, чтобы заглянуть в шкаф.

– Как где? Вот.

Ее недоумение было настолько искренним, что я растерялась. А мама развернулась и как ни в чем не бывало отправилась на кухню. Только бросила через плечо:

– Пить надо меньше.

Пить? О черт! Во сколько я вчера пришла? Ай...

Мысли о встрече с одноклассницами и душевных разговорах на лавочке были решительно отброшены, я же не менее решительно направилась за мамой.

– Где мои джинсы?

Вот теперь на меня смотрели пристально, с явным осуждением.

– Что? – не выдержала я.

– Крис, я все понимаю, но если ты не прекратишь...

И все-таки я зашипела. Нет, ну сколько можно? Мне тридцать лет! Тридцать!!! Я взрослая девочка, и воспитывать меня ПОЗДНО! Тем более такими варварскими методами!

– Я прекрасно осведомлена, что тебе не нравится, как я одеваюсь, где работаю, как провожу свободное время, но... мама, ты перегнула!

Лицо, покрытое слоем сметаны, вытянулось.

Глеба Игоревича, я хотя бы слышала!

Туфли тоже первые попавшиеся схватила. Потом забросила пару в дальний угол и вытащила из шкафа правильные, под цвет костюма. Зато сумочку (а сумок тоже было в избытке, как полка не обломилась – не знаю) выбирать не пришлось. Сумочку мамочка уже собрала! Только мобильный забросить осталось.

Накрасилась я по привычке, и только потом подумала – зря. Нужно было идти без грима, чтобы... да просто из вредности! О, черт! Как же все это бесит!

Вылетая на лестничную клетку, я все-таки нашла плюс в сложившейся ситуации – овсянка. В кои-то веки мне не пришлось давиться завтраком.

День обещал быть солнечным, но порадоваться этому факту я не смогла.

Во-первых, у подъезда припарковался какой-то козел на черной навороченной тачке – кого ждал, не знаю, но если узнаю... дверь валерьянкой оболью! Пусть дворовые кошечки порадуются.

Во-вторых, я представила путь до метро и ужаснулась – нет, я, конечно, ношу каблучки, но не пятнадцать сантиметров! На таких не ходить, а ноги ломать. Ну или на тачках, вроде той, на которой козел приехал, кататься.

В-третьих, я вообразила поездку в метро... и снова помянула недобрым словом козлов на тачках, ну и мамочку, которая решилась на столь садистскую диверсию.

А в четвертых... я чувствовала себя падшей женщиной. Из-за чулок, разумеется. Хоть убейте, но приличные женщины чулок не надевают, разве что по праздникам. А в остальное время они носят колготки!

Погруженная в собственные переживания, я с трудом обогнула черного отполированного монстра и, стараясь не материться вслух, подефилировала к метро.

– Ясно. – И уже направляясь к рабочему столу, продолжил: – Ясно, розочка моя. Нет так нет. Но учти, если сегодня кто-нибудь пострадает, в этом будешь виновата ты.

Ну ничего себе заявленьце!

– Эй! – воскликнула я возмущенно.

Зеленоглазому мое возмущение было до фонаря.

– Время, Крис, – стукнув ногтем по стеклышку наручных часов, сказал он. – У нас переговоры через час.

Мне кажется, или минуту назад его эти переговоры не заботили?

– Крис, работать! – ровным, но довольно-таки требовательным тоном добавил... шеф? Он мой шеф?

Ладно, разберемся. Вот прямо сейчас и начнем... разбираться!

Тяжело вздохнув, я одернула юбку и принялась собирать разбросанные по полу бумаги. На одном из листков с оформлением, характерным для заявлений и служебных записок, прочла: «Генеральному директору ООО „С.К.Р.“, Вознесенскому Г. И.».

Та-ак... А какого такого Глеба Игоревича упоминала мама?

Подобрав последнюю бумажку, я поймала на себе пристальный, плотоядный взгляд зеленых глаз и нервно сглотнула. Ну да, могла бы догадаться, что нагибаться, когда на тебе короткая юбка, несколько опасно.

Одернув оную часть гардероба еще раз, задрала подбородок и гордо проследовала к «своему» столу. На отполированной глади столешницы присутствовали только телефон и ноутбук.

- Mam, я серьезно. И я очень хочу, чтобы ты ответила сейчас. Это важно.

Мама зависла минуты на полторы. Все это время я чувствовала на себе пристальный, настороженный взгляд, но сдаваться не собиралась.

- Глеб Игоревич твой шеф, - наконец, выдала мама. Это был ответ на первый вопрос - кто он, собственно говоря, такой.

- Ага, я так и думала... А дальше?

- Крис? - Вот теперь она действительно встревожилась. - Крис, вы поссорились? Или... Что происходит?

- Mam, просто скажи. Я очень хочу знать твое мнение.

- Мнение? Ах... он рядом, да?

- Ну разумеется.

В трубке вздохнули и признались:

- Между вами служебный роман, уже полгода примерно. А намерения у Глеба Игоревича самые серьезные. - Мама издала еще один тяжелый вдох, а потом добавила совсем другим тоном: - Крис, если ты его бросишь, ты мне не дочь, поняла?!

У меня прям-таки челюсть отпала.

- Что-о?..

- Что слышала! - выпалила родительница. - Не знаю, чего ты сейчас добиваешься, но Глеба бросать не смей! Таких мужчин - один на миллиард! Ты будешь полной дурой, если...

- Стоп, стоп. Хватит.

Дважды прерывалась на кофе, причем кофе не только себе готовила – Глеб Игоревич тоже удостоился. Наверное, я бы вообще внимания не обратила, но сознание зацепилось за несколько мелких деталек.

Первое – у нас с Глебом была отдельная, личная кофеварка. Она стояла на общей кухне, но единственной, кому разрешалось прикасаться к машине, была я.

Второе – взгляды сотрудников нашего ООО. Мысль о том, что коллеги должны презирать помощницу или секретаршу, которая спит с шефом, сидела где-то на уровне подсознания, причем держалась крепче сказочной репки. Вот только вышагивая по коридорам, я ни одного неприязненного взгляда не поймала. Более того – коллеги глядели с уважением и улыбались искренне. Словно я... самую важную, самую ответственную в мире работу выполняю.

Третье... Третье – сам Глеб. Ему было совершенно плевать на напиток, но на мое приближение к собственному столу брюнетистое начальство реагировало очень остро. Красные всполохи в глазах уже не вспыхивали, но руки Глеб Игоревич тянул... Мне даже пришлось пригрозить ему опрокинутой на голову чашкой.

Ушел мой зеленоглазый шеф в районе четырех, предварительно заловив меня на выходе из ванной. Приставать не приставал, но нижнюю губу прикусил, и какое-то ругательство на незнакомом языке рыкнул. Я в ответ «козью морду» соорстила, тут же вернулась за ноут и погрузилась в изучение планов работы на следующий месяц.

А очнулась лишь тогда, когда в кабинет вломился бритоголовый шкаф и пробасил:

– Крис, извини, но Глеб Игоревич приказал проследить, чтобы ты не засиживалась.

– Что? – недоуменно пробормотала я.

– Домой! – пояснил шкаф и ключами от машины потряс.

– А... Минуточку!

Рука сама потянулась к телефонной трубке, пальцы уверенно отстучали короткий внутренний номер.

- Марин... Марин, ты совсем с ума сошла? - хмуро спросила я.

Марина ответила после недолгой паузы:

- А что не так?

- Ты сдачу аналитики за прошлое полугодие на двадцатое число поставила. Я не успею ее проверить. Давай хотя бы на пару дней перенесем?

На том конце провода воцарилось молчание. Мне оно показалось изумленным, и вскоре догадка подтвердилась.

- Крис! - Марина не говорила, шептала. - Глеб Игоревич поставил крайний срок двадцать первое!

- Тогда на день перенесем. Мало, но хоть что-то. Я двадцатого проверю, а ты двадцать первого сдашь.

- Кри-ис! Ну ты же сама сказала, что двадцать первого нельзя!

- Почему нельзя? - Нет, ну ведь действительно непонятно. И какая вообще разница - двадцатое, двадцать первое...

- У тебя же критические дни начнутся! - все тем же шепотом выпалила Марина.

Она выпалила, а я выпала. При чем тут это? Но в трубку сказала другое:

- А... Прости. Забыла. Тогда... тогда конечно. Будем пытаться. В крайнем случае, - короткий взгляд на шкаф. Не тот, который с напитками, а тот, который бритый и с ключами от машины, - после работы задержаться попробую.

- Крис, миленькая! Попробуй! Ты же знаешь, он нас порвет, если что не так будет!

– Что у нас на сегодня? – спросил Глеб сурово.

Мы стояли на лестничной площадке, ждали лифт. Зеленоглазый был одет в те же строгие брюки и белую сорочку с коротким рукавом. В одной руке сжимал стильный кожаный портфель, второй по-хозяйски обнимал меня.

– В десять рабочая группа по безопасности, в час план-факт за прошлый квартал, в четыре предварительное заседание по делу Данилова, – без запинки выдала я. И даже не удивилась, потому что... в общем, я расписание шефа все-таки изучала.

Глеб поморщился, прижал крепче.

– Что не так? – А вот это уже не я, интуиция.

– Да Данилов этот... – протянул шеф и выдал очередную неприязненную гримасу. – Крис, а давай ты со мной на заседание сходишь?

Интуиция удивилась, причем сильно. Она точно знала, дело Данилова из тех, на которые меня не то что не зовут, а... в общем, мне о Данилове даже знать не положено. Вот о двух ведьмах, которые взаимоисключающие заказы получили, знать можно, а об этом – никак.

– Глеб, ты ведь шутишь?

Шеф тяжело вздохнул и зарылся носом в мои волосы. Я инстинктивно повернулась, потянулась к его губам. Ровно в этот миг створки лифта распахнулись, и мы услышали веселое:

– Ах вот оно что!

Я вздрогнула и попыталась от шефа отскочить, но куда мне против его-то силищи?

– И вам доброго утра, – сказал Глеб и поволок в кабинку.

Лишь теперь я смогла осознать, что перед нами пожилая пара. Он – высокий и худой, она – низкая, пухлая, в удивительно несуразной шляпке. Соседи. Как пить дать!

Женщина улыбалась, причем широко и искренне. А мужчина кусал губы в явной попытке сдержать смех.

– Мы очень рады, что ты решила переехать, – сказала женщина. Это уже на первом этаже, на выходе из лифта случилось. – Если что-то понадобится – обращайся.

Я вежливо кивнула, выдавила из себя ответную улыбку. Ну а спутник сердобольной старушки вынул из бумажника визитку и протянул Глебу.

– Очень хорошие ребята. Рекомендую.

Один взгляд на карточку и губы шефа... Ух! Да он же на мальчишку похож стал. Причем такого, которому вместо игрушечного настоящий паровоз подарили.

– Глеб? – тихо позвала я.

Ответа не последовало. Карточка была убрана в нагрудный карман, а меня потащили к выходу. «Черный монстр» уже ждал, бесстыдно блестел полировкой и фарами.

Глеб галантно усадил на кожаный диванчик, стремительно обошел машину и протиснулся в соседнюю дверцу. Водитель, чье настроение было под стать настроению шефа – видимо потому, что не надо тащиться на окраину за одной незаменимой ассистенткой, – проворно вырулил с закрытой территории и втиснул «монстра» в медленный, односторонний поток.

– Глеб? – В моем голосе появились требовательные нотки. – Глеб, покажи визитку, а?

Брюнет помотал головой, но меня такой ответ категорически не устраивал. Я придвинулась и потянулась к тому самому кармашку. Руку перехватили.

– Ай-яй-яй... – прошептало начальство. Еще и пальчиком погрозило.

Я предупреждению не вняла. Смысл сдаваться, если вторая рука по-прежнему свободна? А запустив пальчики в тот самый карман, услышала хриплое:

– Кри-ис, доиграешься...

Салон внезапно наполнила музыка, громкая и ритмичная. Бросив взгляд на зеркало заднего вида, я увидела, как водитель это самое зеркало отворачивает. Рука Глеба тут же обвила талию и...

– Стоп! – выпалила я.

– Ага... – шепнул зеленоглазый и бессовестно завладел моими губами.

Ой мамочки! Что сейчас будет?!

Плененную руку Глеб отпустил, но лишь для того, чтобы ухватить за коленку, а потом залезть под юбку. Я, в свою очередь, впечатала кулак в литую сталь его груди и укусила брюнета за язык. Первое шеф вообще не заметил, а вот второе... В общем, это было ошибкой. Большой-пребольшой.

Шеф застыл, распахнул глаза, красноречиво изогнул бровь. Я ответила столь же открытым взглядом и продолжила стоять на своем – в смысле, зубы не разжала. Несколько секунд Глеб Игоревич выжидал, явно давая мне шанс одуматься, потом стиснул так крепко, что едва не охнула. В зеленых глазах вспыхнули алые всполохи.

Тут меня с головой накрыло осознание – до того, как мои зубы сомкнулись на его языке, озабоченный начальник просто дразнился. Зато теперь... Черт!

– Крис, ты попала. – Голос прямо в голове прозвучал, начисто перекрыл гремущую в салоне музыку.

– Гле-еб! – мысленно взмолилась я.

Слышал или нет – не знаю, но глаза прищурил. А потом... потом я почувствовала как его язык удлиняется и касается моего неба. И то, что этого самого неба коснулось... оно раздвоенным было.

С испугу я не только зубы разжала, а еще и отпрянуть умудрилась, разорвав захват. Вжалась спиной в дверцу машины, подхватила упавшую на пол сумочку – хоть какая, а преграда. Глеб на мою попытку загородиться отреагировал легкой, многообещающей улыбкой.

А в следующий миг машина повернула и остановилась. Музыка замолчала, тут же раздался щелчок – двери разблокировались.

– Какая смелая девочка, – сказал шеф хрипло.

Просить защиты у водителя я не стала – ясно, что бесполезно. Аккуратненько потянула рычажок двери и грациозно выбралась из машины. И лишь после этого огляделась. Мы были на парковке, той самой, что к офисному зданию, где наше ООО «С.К.Р.» расположено, примыкает.

У стеклянной вертушки, как и вчера, толпились охранники и клерки. Кто-то курил, кто-то болтал, кто-то просто оттягивал момент появления на рабочем месте. И хотя тут были преимущественно мужчины, я совершенно четко осознала – не помогут. Просто не сумеют помочь.

– Кри-ис... – Глеб стоял по ту сторону «черного монстра», но я все равно вздрогнула. – Кри-ис... иди-ка сюда.

Я нервно сглотнула и помотала головой.

– Розочка моя... – прошептал шеф, одаривая ну о-очень ласковой улыбкой. – Иди ко мне, не усугубляй.

Возможно, стоило послушаться и подчиниться, вот только... у него же язык раздвоенный. Раздвоенный! Как у змеи!

Собрав в кулак остатки храбрости, расправила плечи и сказала:

- Глеб Игоревич, давайте обсудим это позже. У нас рабочая группа в десять.

- Да ты что? - делано удивился брюнет. О том, что радужки его глаз стремительно багровеют, я старалась не думать.

- И план-факт в час.

- У... - Глеб начал обходить машину, а я позорно отступать. Спиной, разумеется.

- И еще заседание. Вы помните про заседание, Глеб Игоревич? К нему следует подготовиться, иначе Данилов...

- Бедный... бедный Данилов, - вздохнул брюнет. - Погубишь ты его, Крис.

- Я?

- Ты, розочка моя. Ты.

Все-таки ходить спиной опасно - я так некстати уперлась в чью-то машину. Та от соприкосновения с моей попой завизжала, замигала фарами.

- Bravo, розочка моя, - прошептал Глеб, прижимая к стальному корпусу. - Bravo! Мы же с тобой так редко показательные выступления устраиваем...

- Какие еще выступления? - выдохнула я.

Ответ на вопрос лежал на поверхности, просто осознать его было страшно.

Глеб отобрал сумку, повесил на плечо. На второе плечо... повесил меня. И вот так, прикрывая широкой ладонью вид, который открылся благодаря длине моей юбки, понес к стеклянной вертушке.

Я не возражала. Вообще попыталась расслабиться и получить удовольствие. Приблизиться к состоянию нирваны мне удалось ровно в тот момент, когда генеральный директор ООО «С.К.Р.» поднялся на первую ступеньку крыльца и шагнул к двери. А потом всю благодать как ветром сдуло, потому что в гробовой

тишине, которая воцарилась у входа в офис, зашипела рация и искаженный радиоэфиром голос спросил:

- Стас, что там у вас?

- Все в порядке, - ответил охранник. И добавил: - Рабочая группа по безопасности отменяется.

- Понял, - отозвался тот, второй. И так ровно, так буднично это прозвучало...

Мама!!!

- Глеб, поставь меня! Я сама пойду!

- Поздно, розочка моя, - ответило начальство.

- Глеб, я клянусь! Я буду очень хорошо себя вести!

- Будешь, - ступая по мрамору роскошного холла, согласился шеф.

- Глеб, я все сделаю, только прекрати!

- Ты и так все сделаешь, - ответили мне.

Волна возмущения была мощной, сильной, но... бессмысленной. И почти сразу сменилась ужасом - мы в лифт вошли.

Кабинка устремилась вверх, вот только пользоваться уединением шеф не спешил - по попе хлопнул и все. Когда двери распахнулись, Глеб Игоревич спокойно поздоровался с секретарем и направился к нашему кабинету. И только провернув в замке ключ, обернулся, чтобы сказать уже второму секретарю:

- Служба безопасности в курсе, что рабочая группа отменяется. Ты плановый отдел предупреди.

Это он отмену совещания по план-факту за прошлый квартал в виду имеет?

- Да, конечно, - ответила секретарь. А потом вздохнула и добавила нерешительно: - Глеб Игоревич, а может, успеете? У них начальник отдела с завтрашнего дня в отпуске...

- Нет, не успею, - сказал Глеб.

- А если перенести часа на два? - Голос секретаря совсем жалобным стал.

- Нет, все равно не успею. К тому же в четыре у меня еще одно совещание, внешнее.

Э... это они то, о чем я думаю, обсуждают?

- Глеб, - взмолилась я. - Глеб, а давай успеем, а?

Я, в отличие от секретаря, ответа не удостоилась. Шеф просто вошел в кабинет, запер дверь, и... мечта идиотки сбылась - меня поставили на ноги.

- Так на чем мы остановились? - спросил красноглазый, аккуратно сгружая мою сумочку на пол. Он улыбался. Хищно так, широко... - И, кстати, где та смелая девочка, которая хотела получить вот это?

Глеб вынул из кармана визитку, повертел в пальцах и спрятал обратно.

Ух! Останешься тут смелой, как же! Но все-таки я нашла в себе силы вздернуть подбородок и выдохнуть:

- Милый, у тебя язык... раздвоенный.

Меня окинули ну очень задумчивым взглядом.

- Да. И если мне не изменяет память, именно это тебе во мне и нравится.

Офигеть. Нет, я все понимаю, но...

– Глеб, – справившись с набежавшим румянцем, сказала я. – Глеб, у нас плотный рабочий график и обязанности. И если с переносом рабочей группы по безопасности проблем нет, то план-факт...

Договорить мне не дали. Красноглазый шагнул вперед, обвил рукой талию и впился в губы. А я вдруг поняла, что... в общем, неправильно я его слова о раздвоенном языке истолковала. Ну или не совсем правильно – ведь поцелуй с таким языком тоже ого-го как от обычного отличается.

Мир поплыл, разум резко затуманился, а тело изогнулось навстречу пока еще целомудренным прикосновениям. Нет, не зря Глеб Игоревич совещание с плановым отделом отменил. Точно не зря!

Обедали мы в общей столовой, в компании простых и не очень служащих. Сказать, что мне кусок в горло не лез? Ну... он лез! Вернее полез, после того, как я попросила Глеба Игоревича поменяться местами. Просто там, за соседним столиком, плановый отдел полным составом сидел. Девочки злились, причем сильно.

– На слушание по Данилову со мной поедешь, – прожевав очередной кусок отбивной, сказал Глеб. Тон был приказным и очень суровым, словно я отбрыкиваться собираюсь.

Я растерянно кивнула. Уж на что, а на заседание «по Данилову» мне было плевать, глубоко и сильно. Куда больше волновал тот факт, что все присутствующие в столовой в курсе, чем мы с Глебом четверть часа тому занимались...

Нет, ясно, что о нашей связи всем известно, но разница между: «шеф спит со своей ассистенткой» и «шеф спал со своей ассистенткой сегодня, с девяти до двух» – колоссальная. Хуже только, если к последнему список поз добавится.

Кстати, на позы Глеб Игоревич не скупился, мстил за покусанный язык со всей горячностью. И офисная акробатика ни в какое сравнение с акробатикой постельной не шла – совсем другой уровень. Один только телефонный шнур, которым мне руки связали, после того как решила на повторное извлечение визитки, чего стоил!

– Крис, ты здесь? – щелкнув пальцами перед носом, спросил шеф.

– А?

– Ага! – поддел зеленоглазый. – Ты в дело Данилова вникала?

– Мне не положено, – это не я сказала, интуиция.

– Знаю, что не положено, но все-таки?

Вообще-то настроение у шефа было прекрасным, но, вспомнив о предстоящем слушании, Глеб постарался принять серьезный вид. Им и пугал.

– Не вникала, – со вздохом призналась я.

Генеральный директор ООО «С.К.Р.» нахмурился и откинулся на спинку стула. Он тоже не вникал. Вчера папку исключительно из вредности попросил, а сегодня... в общем, подготовку к слушанию он проморгал.

– Ладно, по дороге почитаю.

– Не успеешь, – неожиданно для самой себя, выдала я. – Там все очень запутано.

Глеб сразу же подобрался, подался вперед:

– То есть все-таки вникала!

– Нет, я на второй странице срубилась.

Вывод, к которому пришло руководство в лице Глеба Игоревича, был откровенно странным:

– Все. Сегодня же допуск для тебя сделаю. А на заседании импровизировать будем. Ох, бедный Данилов... – Шеф шумно вздохнул и добавил с улыбкой: – А все из-за тебя!

В машину я садилась с ощущением полного и абсолютного сюрра. Заседание? Данилов? Допуск? Каждое из этих слов повергало интуицию в полнейшее смятение. А потом еще одно слово в сознании всплыло, и плохо стало не столько интуиции, сколько мне.

Контрацепция.

Голову от прикосновений Глеба я, конечно, теряла, но не настолько, чтобы не заметить – изделий резиновой фабрики в момент нашей близости не присутствовало. Вариант несовместимости биологических видов отпадает – на этот счет интуиция имеет очень четкое мнение. И что в таком случае остается?

Черт! Просто черт-черт-черт!

Прежняя я точно никаких таблеток не употребляла – просто без надобности. Спиралей и остальных прибабасов не имела. А теперь? Мамочки, это на что же я нарвалась?!

Машина плавно вырулила на проспект, тут же ускорилась, и спустя минуту нырнула в тоннель. Я тоже нырнула, только не в тоннель, а в сумочку. Если я пью таблетки, то они должны быть при мне. Ибо в вещах, которые передала мама, никаких медикаментов не было.

– Крис, что ты делаешь? – спросил зеленоглазый, когда я не выдержала и начала вытаскивать из сумочки расчески-пудреницы-кошечки и прочие предметы.

– Табле... – Ух, как вовремя язык прикусила! – Карандаш для губ ищу.

Начальство молча подхватило косметичку, открыло и протянуло нужный девайс.

– Не этот, другой, – вмиг сориентировалась я и продолжила археологические раскопки, чтобы через полчаса, проверив даже подкладку, узнать: единственная таблетка, присутствующая в моей сумочке – леденец от кашля. Да, один! Выпавший из упаковки где-то в начале прошлого столетия.

– Ну как? – спросил Глеб, когда я со вздохом откинулась на спинку кожаного диванчика.

Шеф был погружен в документы, так что гамму чувств, отразившуюся на моем лице, не видел. Вслух я сказала лишь одно:

– Фигово.

– После заседания в магазин заедем... – пробормотал тот, чье появление в моей жизни поставило на грань инфаркта. – Новый купишь. Или по Интернету закажи...

Очень захотелось вырвать у него папку и спросить в лоб. Спросить, несмотря на то что подобный вопрос совсем неуместен и, вероятно, опасен. Ведь людям, которые посвящены в тайны мафии, амнезией болеть нельзя! Да и самозванцев в окружении таких фигур, как Глеб Игоревич, быть не должно.

Так, стоп. Кажется, я впадаю в истерику. А мне истерить нельзя. Только не сейчас. В конце концов, я взрослая женщина, и я в состоянии решить любой вопрос!

Мне нужно к врачу. Просто сходить к врачу, и все. Уж доктор-то точно определит, как именно я предохраняюсь. Поржет, конечно, но выяснит.

– Так, Гена, останови! – скомандовал шеф внезапно.

«Черный монстр», марку которого я так и не выяснила, резво перестроился в крайний правый и застыл у обочины.

– Крис, выходи.

Я слегка прифигела – не столько от предложения, сколько от тона. С места, разумеется, не сдвинулась. Глеб закатил глаза и вышел сам.

Потом дверца с моей стороны открылась и меня из салона просто выдернули, как морковку из грядки.

– Сама пойдешь или на ручки взять? – прошептал зеленоглазый.

Шок усилился, поэтому ответить не смогла. Просто стояла и смотрела, а он...

– Значит, на ручки.

Меня привычно закинули на плечо и понесли. И лишь когда мы миновали стеклянные двери, а в нос ударил запах сотни парфюмерных отдушек, хитрый план шефа раскрылся.

– Карандаши для губ! –скомандовал генеральный директор ООО «С.К.Р.». – Все, какие есть!

Вот... вот как он этот магазин углядел? И... и что мне с таким мужчиной делать?

Выйдя из машины, я постаралась придать лицу самое пофигистическое выражение. Ну, подумаешь, особняк! Мало ли их – огромных, навороченных, с бассейнами, коллекцией карликовых деревьев у входа и прочими фонариками? Мелочи это все, тлен.

Вот и Глеб спокоен. Без всякого стеснения обходит машину, водружает руку на мою талию и уверенно ведет к широкому крыльцу с полупрозрачными ступенями. И это что же мы сейчас топтать будем? Горный хрусталь?

– Глеб Игоревич, – выскочивший навстречу дворецкий учтиво поклонился.

Зеленоглазый кивнул. В распахнутую дверь вошел как хозяин. После застыл, позволяя дворецкому обогнуть нашу парочку и зашагать впереди.

Мы миновали просторный холл, еще более просторную гостиную, после свернули к лифту – уж не знаю для чего в трехэтажном доме такое приспособление, но тем не менее. Поднявшись на второй этаж, прошли коротким коридором и замерли у широкой двустворчатой двери. Прежде чем открыть, слуга постучал.

А потом начался он! В смысле, армагеддец.

Двери открылись сами. Взгляду предстала небольшая комната, выполненная в бежевых и коричневых тонах, широкий прямоугольный стол и... люди. Где-то с дюжину мужчин и одна невероятно яркая женщина – брюнетка с ну о-очень внушительным бюстом. На Глеба эти... люди внимания не обратили, дружно уставились на меня.

В их лицах было все – от удивления до откровенной брезгливости. Особенно выразительно смотрела женщина – показалось, у нее глаза вот-вот лопнут.

– Кристина Анатольевна? – изумленно произнес мужчина в сером невзрачном костюме. А потом расплылся в улыбке, поднялся. – Добро пожаловать!

М-да... и откуда этот холодок по спине?

– Арсений Игнатьевич, – пробасило мое начальство. – Губы закатал.

Мужчина картинно поднял руки – мол, сдаюсь-сдаюсь. Тут же окликнул дворецкого:

– Еще одно кресло принеси!

Лишних мест за этим столом и впрямь не было, а единственное пустующее кресло предназначалось, разумеется, Глебу. Я никак не ожидала, что шеф уступит, однако... Интуиция впала в шок, сидевшие за столом тоже. А зеленоглазый стоял рядом со мной и спокойно дожидался возвращения слуги.

– Эк тебя пробрало, – пробормотала женщина.

Глеб не среагировал.

Те несколько минут, в течение которых несли дополнительное кресло, показались мне вечностью. И только когда зеленоглазый сел рядом, я разрешила себе вздохнуть и оглядеться как следует.

Эта компания показалась бы странной любому – уж слишком разношерстная.

Мне этот карандаш вообще не сдался, я им только по праздникам пользуюсь.

Кстати, в магазине Глеб даже полувзглядом недовольства не выразил. Просто стоял и наблюдал, как девушка берет карандаш, находит на нем штрих-код, подносит к сканеру, дожидается считывания, нажимает по кнопке клавиатуры, чтобы подтвердить ввод, кладет карандаш в пакет и берет следующий... И так пятьсот раз! Без преувеличений.

Зачем Глебу понадобилось столько – понятия не имею. Видимо, шеф просто на принцип пошел. Что теперь делать с целым пакетом этих девайсов – тоже не знаю. Хоть рисовать учиться, честное слово.

Но это все мелочи в сравнении с реакцией, которая за признанием зеленоглазого эксцентрика последовала...

Мужчина в невзрачном сером костюме – тот самый, который отдавал распоряжение дворецкому, – повернулся к «бомжу» и спросил:

– Слышал? А теперь скажи мне, Билли, хоть одна из ваших баб может укатать высшего инкуба до такого состояния?

– Нет, – ответил «бомж».

– А наша может! – припечатал мужчина. А потом пристально посмотрел на меня и добавил самым серьезным тоном: – Молодец, Крис. Далеко пойдешь.

Фух... Это что такое было?

– Кстати, – вклинилась в разговор брюнетка, – слышала, вы все-таки съехались. Поздравляю. Давно пора.

Ее улыбка была очень милой и вроде бы искренней. Сидящий подле брюнетки мужчина тоже улыбнулся, фыркнул:

– Да о том, что они съехались, весь район слышал.

– О, точно! – подключился к беседе еще один, тот, что напротив нас расположился. Он достал из нагрудного кармана визитку и, перегнувшись через стол, протянул Глебу. – Пока не забыл! Очень хорошие ребята. Рекомендую.

Зеленоглазый карточку принял, мазнул по ней взглядом и передал мне.

– У меня такая уже есть, – пояснил Глеб. – Виктор Иванович подсуетился.

– А... Ну да, он же сразу над вами. Ему хуже всех.

Я же лишний раз убедилась, что есть такие вопросы, ответы на которые лучше не знать. На лакированной картонке значилось: «Вжик и Ко. Лучшие звукоизоляционные системы для вашего дома/офиса/берлоги/склепа. Соседи будут довольны. Гарантия 200 %».

Глава третья

Глумеж, к моей несказанной радости, кончился быстро.

– Я все-таки предлагаю вернуться к Данилову, – водрузив локти на стол, сказал «рэпер». Тон мог посоперничать с арктическим ветром. – Я понимаю, что некоторым... хм... любителям требование обвинения кажется неприемлемым, но Данилов должен быть уничтожен.

Под «некоторыми любителями» подразумевался Глеб – это точно, потому что именно на него в этот миг косился «рэпер».

– Я согласен с коллегой, – кивнул мужчина в сером.

– Я тоже поддерживаю, – откликнулась брюнетка. Она уже не улыбалась.

Глеб криво ухмыльнулся, но сказал не он, а другой, тот, который визитку протягивал:

- И как вы себе это представляете?

- Да как всегда. - В голосе брюнетки тоже арктический холод появился.

«Мужчина-визитка» окатил грудастую таким презрением, что даже меня передернуло.

- Мегера, дорогая, - процедил он. - Я уже говорил, Данилов, вероятнее всего, узел. Мы не можем его уничтожить.

- Да у тебя каждый второй человек - узел!

- Мегера, я не шучу... - зашипел оппонент. - И подписывать такой приговор не буду. Мне проблемы не нужны...

- Трус! - перебила брюнетка и хлопнула ладонью по столу.

В комнате стало очень тихо. Только птичий щебет в приоткрытое окно проникал да шелест листвы.

- Крис, ты что-нибудь поняла? - спросил «рэпер».

От его тона чуток вздрогнула и ответила далеко не сразу:

- Только то, что вы хотите кого-то убить.

Мужчины, ну кроме Глеба, дружно посмотрели на Мегеру.

- Не врет, - с явным неудовольствием заключила та. Правда, что-то подсказывало - злится не на меня, на «визитку».

- То есть наша незаменимая ассистентка действительно не в курсе? - не унимался «рэпер».

- Нет. Но я очень хочу вникнуть.

– А вот сейчас врет, – пробормотала Мегера. Добавила с усмешкой: – Умная девочка.

– Умные девочки на такие встречи не приезжают, – отрезал «рэпер». – Но раз уж ты пришла...

Мужчина растянул губы в широкой такой улыбке, продемонстрировал очень внушительные, очень зловещие клыки.

– Убью, – сказал Глеб ровно. И это прозвучало куда страшней самого грозного рыка.

Вот только «рэпер» пугаться не спешил.

– Я всего лишь хотел сказать, что раз Крис пришла, то, может быть, она и рассудит? Свежий взгляд, так сказать... Человеческий.

Надеюсь, не слишком громко выдохнула, а? Я ж, глядя на все это, уже сомневаться начала, что к племени *homo sapiens* отношусь. Просто на смену биологического вида я точно не подписывалась. Вот на большую грязную любовь – это ладно, это можно, а на обращение меня в какую-нибудь упырицу – нет, нет и еще раз нет.

Кстати, а инкуб – это кто?

– Айшер, не говори ерунды, – вмешался мужчина в сером костюме. В нем, кстати, все сильнее угадывался самый главный. Нет, ничего особенного тот не делал, просто жесты, манера держаться и, как это ни смешно, энергетика. – Ничего она не рассудит. Впрочем, взгляд человека и впрямь может быть интересен... – И уже мне: – А про узлы ты что-нибудь знаешь?

Фух...

– Нет, Арсений Игнатьевич. – Ого! Я его имя вспомнила?! Или запомнила? Глеб, кажется, произносил. – Не тот допуск.

– Айшер, расскажи, – скомандовал Арсений.

И «рэпер» принялся просвещать...

– Ты, должно быть, слышала, что наши народы разделены не только биологически, но и... хм... магически. И, вероятно, догадываешься, что дело тут не в отсутствии способностей к магии у твоего вида. Это разделение иного, высшего порядка.

Представь, что нас не существует, что есть только вы, люди. Вы связаны друг с другом и вашим миром. Этакое восемь миллиардов точек, соединенные нитями эмоций и обстоятельств. Это похоже на ковер с хаотичным узором. Огромный, просто гигантский ковер. По большому счету, каждый человек является узелком. Каждый из вас, так или иначе, связан с остальными, и хотя бы чуть-чуть, но влияет на то, что творится вокруг. Но есть особенные люди, чье влияние поистине огромно. Именно их мы называем узлами.

Узел – это не тот, кто имеет больше всего связей, и даже не тот, кому суждено открыть лекарство от рака. С точки зрения логики узел вообще иррационален. Им может оказаться дворник, менеджер среднего звена, старушка-кошатница... да кто угодно. И влияние узла иррационально – важность такого человека проявляется только в момент гибели или... вмешательства в судьбу.

– Про судьбу вообще не поняла, – выдохнула я.

– Знаю, что не поняла, – отозвался Айшер холодно. – Но ведь я еще не закончил... Ты помнишь, о чем я просил вначале?

Да, я помнила:

– Представить, что вас не существует.

– Вот именно. Нас не существует! Если нас не существует, то все это человеческое макраме находится в естественном состоянии. Вы сами рождаетесь, сами умираете, сами выигрываете в лотерею. В естественном состоянии ничего сверхъестественного не происходит, события развиваются по заданному сценарию, в полном соответствии с судьбой.

Фух! Опять судьба?

– Судьба – это вектор, направление движения. И это та сила, которая меняет узор ковра. Благодаря ей одни ниточки обрываются и растворяются, другие возникают или соединяются. Благодаря ей исчезают и появляются узелки, от которых эти нити тянутся. Это происходит каждую секунду, это естественно. А теперь вспомни, что есть мы!

– И? – нетерпеливо протянула я.

Айшер наклонился и прошипел:

– Мы внешний фактор, детка. Внешний, посторонний, неуправляемый.

Нет, не понимаю...

– Человек не в силах изменить свою судьбу, поменять судьбу другого – тем более. Нет, вы, конечно, можете верить, надеяться, пытаться... и даже находить подтверждения, что вам удалось. Но правда заключается в том, что это невозможно. Вы привязаны друг к другу, к вещам, к земле и небу. Вы как мухи в паутине, и вы бессильны. А мы вне этой системы, и нам никакая паутина не мешает.

– Вы можете менять судьбы людей, – догадалась я.

«Рэпер» кивнул.

– Да. Мы можем убить того, кому суждена долгая жизнь. Можем подарить богатство тому, чья судьба – бедность. Можем одарить любовью того, кто должен был сдохнуть от одиночества. Мы судьба номер два.

Я не могла не вздрогнуть. Не посмотреть наGLEBA тоже не могла.

– Правильно мыслишь, детка, – усмехнулся Айшер. – Твоя связь с этим инкубом – измененная судьба. Не будь его, ты бы жила как предначертано. Работала в какой-нибудь заплесневелой конторе, носила джинсы и бабушкины трусы, и спала с каким-нибудь прыщавым придурком.

– Нет, – встряла Мегера.

А я опять вздрогнула. А еще мне очень холодно стало и страшно.

– Что нет? – ухмыльнулся Айшер.

– Крис тридцать, – пояснила брюнетка. – Для людей это довольно приличный возраст. Думаю, не будь Глеба, она бы нянчила пару детишек, варила борщи, а в перерывах вкалывала как проклятая... в той самой заплесневелой конторе.

Тишина была недолгой, но чертовски обидной. Я никак не думала, что мой зеленоглазый совратитель смолчит, тем не менее... тем не менее заступился за меня другой. Арсений!

– Ты лучше подумай о том, что бы было с тобой, если бы Крис не появилась. И ты, Айшер, голову вкючи, прежде чем скалиться.

Я выпала. Да, просто выпала. На фоне всего, что я услышала, да еще при столь неприятной реакции Глеба... Нет, лучше я о Данилове думать буду!

– Так что с узлами? – сказала жестче, чем хотелось. И обращалась уже не к Айшеру, а к Арсению.

– Да огребаем мы за них, – улыбнулся тот. – За обычных людей не огребаем, потому что, когда исчезает, как изволил выразиться Айшер, ниточка, ваша коврая дорожка быстренько затягивает рану, и все. А когда погибает узел, получается разрыв, и в пространство выплескивается очень большой заряд энергии. Люди получают какую-нибудь глобальную катастрофу, а мы... – Арсений Игнатьевич тяжело вздохнул, – в общем, выживают не все.

– А если не убивать?

– Все равно разрыв. Встреча с кем-либо из нас – уже изменение судьбы. Даже покупка... – Арсений чуть заметно ухмыльнулся, – карандашей на узор вашего коврика влияет. У магазина не должно быть этой выручки, у государства не должно быть тех налогов, которые с этой покупки заплатят, и так далее. А возможно, один из купленных вами карандашиков должен был стать причиной

судьбоносного поцелуя, вот только достался он не той девочке, а тебе, Крис. Понимаешь?

- Примерно.

- Так вот, вмешательство в судьбу – это смещение узора. Если сместить узел, то тоже очень плохо будет. Это все равно, что жизненно важный орган передвинуть. С такими, как ты, может происходить что угодно, мироздание переживет, а узлы трогать нельзя.

Обиду я проглотила.

- И как вы определяете, кто узел, а кто нет?

- Да в том-то и проблема, что определить сложно. А некоторые... любители этим пользуются. Видишь ли, Крис, узлов очень мало. Вероятность напороться на узел – мизерна. Но за последние три года это третье дело, где человека, подлежащего уничтожению, объявляют узлом.

- У нас есть доказательства, – встрял тот, кого я мысленно окрестила «визиткой».

- Ну да... – протянул Арсений, и снова ко мне повернулся. – Первым доказательством того, что узел смещен, является глобальное изменение реальности.

- То есть?

- То есть выходишь ты из дома и понимаешь, что мир вокруг тебя изменился. С тобой начинают здороваться те, кого ты знать не знала. Вместо секретарши Лены встречаешь в своем офисе какую-то Олю. Или вдруг обнаруживаешь, что у тебя сын, а не дочь.

Черт, какая знакомая ситуация.

- Но только вы, люди, подобные изменения не видите, потому что вы... Айшер, как ты там выразился?

- Мухи в паутине, - подсказал «рэпер».

- Да, именно. А мы, Крис, вне вашей системы, мы эти изменения видим и очень отчетливо.

- И в этот раз изменения есть! - снова встрял «визитка».

Сидящие за столом дружно вздохнули, а я осмелилась спросить:

- Что за изменения?

- Все случаи я описал в отчете, но пример приведу. Один из моих подчиненных на днях разбил ноутбук, ему потребовалось извлечь и оживить хард, чтобы инфу скопировать. Парень обратился в ближайшую к дому контору, «Шерри-кат» называется. И ему там девушка очень понравилась, оператор. А он оборотень молодой, романтичный, так что когда пошел забирать свой металлолом, букетик прихватил. Вот только никакой девушки в конторе не нашлось, а сотрудники заявили - не было тут таких, никогда.

Кажется, я сейчас узнаю, что такое настоящий обморок.

- Может... просто ошибка? - пробормотала я.

- Чтобы оборотень насчет бабы ошибся? - искренне возмутился собеседник.

- Значит, обман, - это уже не я, «рэпер». - Скрыли девочку, и все. Люди, они ведь тоже не дураки, опасность порой лучше нас чувствуют.

- Если бы ты прочел отчет, - зашипел «визитка», - ты бы знал, что мы этот офис через час обыскали. Все проверили, от туалета до внутренней документации. Единственную девушку, которая там когда-либо работала, зовут Мария Сигизмундовна, и ей шестьдесят три года. А от той, на которую Шас запал, ни следа!

- Неужели и запах исчез? - хмуро спросил «бомж».

- Говорю же - ни-че-го!

Мама, мне плохо. Нет, в самом деле плохо. Это же он про мою контору рассказывает. Это к нам такой плечистый дерганый парень с разбитым ноутбуком приходил. И Мария Сигизмундовна... Мамочки!

- Крис? - позвал кто-то. - Крис, что с тобой?

Что со мной? Сказала же, плохо. Очень...

- Крис!!!

Очнулась я в огромной кровати, под легким атласным одеялом. Далеко не сразу сообразила, что эта тускло освещенная спальня мне знакома...

- Ну наконец-то, - прошептали рядом.

Я повернула голову и... в общем, зеленоглазого bruneta тоже не сразу опознала.

- Что случилось? - собственный голос прозвучал незнакомо, хрипло.

- В обморок ты свалилась, - сказал предельно серьезный Глеб.

- Почему?

- Не знаю. Думал, ты объяснишь.

- Я?

Шеф молчал довольно долго - то ли думал, то ли слова подбирал.

- Крис, я действительно не понимаю причину твоего обморока. Я хочу услышать... если не объяснения, то хотя бы версию.

Зеленоглазый детектор лжи молчал довольно долго, сказал прищурившись:

– С того, что все озвученное на заседании ты знала.

Я?! Знала?! Но ведь эта информация не моего допуска! М-да, а палево, похоже, серьезное.

– Тебя задело что-то конкретное, – продолжал давить шеф. – И мне кажется, это был рассказ о некоем оборотне и некоей ремонтной конторе...

Приличные слова кончились, остался мат. Отборный такой, ядреный. Ведь единственным, кто мог поделиться со мной столь закрытой информацией, является шеф! И просвещал мою скромную особу, разумеется, тайно! А потом повез на заседание, где... Ух! Да если бы они поняли, что я в курсе, мне бы голову открутили! Вон как выспрашивали! И даже... Стоп. Мегера что? Мне подыгрывала?

Нет, я решительно ничего не понимаю.

– Да, знала, но не осознавала. Видишь ли, одно дело слышать подобное от любимого, и совсем другое...

Глеб застыл, взгляд стал острее бритвы. Говорить, когда на тебя смотрят вот так, до безумия сложно – неудивительно, что слова колом в горле встали.

– Любимого? – тихо переспросил он. – Крис, ты сейчас серьезно?

Интуиция на этот вопрос среагировала странно. Как будто скукожилась и руками прикрылась. Кажется... кажется сейчас что-то будет.

В глазах Глеба появились до боли знакомые алые всполохи, губы дрогнули в улыбке. И столько в этой улыбке искренности было, столько счастья.

– Кри-ис... – хитро протянул он. – Кри-ис, скажи, что мне не послышалось.

– Послышалось! – горячо заверила я и нырнула под одеяло.

Мама! Это что же получается? У нас эта, как ее, большая и грязная, а мы... о чувствах никогда не говорили? Быть такого не может!

Под одеялом было темно и классно, но ровно до того момента, как Глеб придвинулся вплотную и, положив руку на попу, попросил:

- Кри-ис... а скажи еще раз, а?

- Ни за что!

- Кри-ис... - За попу уже не держались, ее поглаживали.

Тело, вопреки остаточной дурноте, начало пламенеть, а потом меня словно колодезной водой окатило. Я отбросила одеяло, села. Что именно в этот миг на моем лице отразилось - не знаю, но Глеб замер и нахмурился.

- Почему ты промолчал, когда Мегера меня оскорбляла?

На мой вопрос зеленоглазый ответил не сразу...

- Потому что.

Там, в кругу странных личностей не пойми каких рас, было обидно. А здесь, в спальне моего нового дома, стало больно.

Еще пазл сошелся. Глеб привез на заседание, где меня вполне могли придушить за то, что знаю лишнее. Он сделал это не потому, что хотел подставить и избавиться, просто Глеб с тамошним датчиком правды договорился, с Мегерой. Брюнет убежден, что Мегера оказала ему важную услугу, прикрыла мою ложь. Ну а тем, кому задолжал, не хамят. Именно поэтому он не среагировал на выпад.

Вот только я не лгала, когда говорила, что о коврах и узлах ничегошеньки не знаю, Мегера никаких услуг не оказывала. Зато теперь она в курсе, как Глеб заблуждается на мой счет. Она может выдать меня начальству и вот тогда... тогда мне точно крышка.

Черт! Как все-таки неприятно быть самозванкой!

– Значит, вот что тебя так сильно расстроило... – прошептал Глеб.

Я вздрогнула и во все глаза уставилась на того, кого Арсений назвал высшим инкубом.

– Крис, я... извини.

– Извини? Ты думаешь, обморок спровоцирован твоим молча...

Он снова приложил палец к моим губам, сказал едва слышно:

– Крис, я в курсе, что такая ослица, как ты, никогда не признается.

Кажется, одна самозванка сейчас снова в обморок уплывет.

– Тема закрыта, – припечатал Глеб.

Он поднялся и начал расстегивать рубашку. Весь такой хмурый, сосредоточенный. Я же лежала, смотрела этот будничный стриптиз и офигевала. Нет, конечно, приятно, что он сам меня отмазал, но... черт, я не собиралась его обвинять.

– Крис, не смотри так.

– Что? – Я за всем этим делом слегка из реальности выпала.

– Не смотри так, – повторил шеф. – А то наброшусь. А тебе отдохнуть надо.

Вот теперь в осадок выпала не я, а интуиция. Глеб, который добровольно отказывается от секса, для нее был нонсенсом.

– Кстати, я долго в обмороке валялась?

Вопрос, конечно, глупый. Если учесть, что особняк, где проходило заседание, в пригороде расположен, а квартира Глеба в центре. И вообще, в обморок я падала днем, а сейчас за окном темень – знаю это, несмотря на задернутые шторы.

– Пару минут. Потом тебя Арсений усыпил и мы уехали.

– Как усыпил? Зачем?

– Затем, – буркнул Глеб. – Я решил, что тебе лучше в знакомой обстановке очнуться. И подальше от всяких... уродов.

Все, аут. Полный и беспощадный.

– Крис, спи. Понимаю, что уснуть опять будет трудно, но ты попробуй.

Ага, попробую. Может, после того как проснусь, реальность изменится? Может, очнувшись утром, пойму – никакого заседания не было, Мегеры вообще в природе не существует, а Данилов... черт, а вот с Даниловым разобраться все-таки нужно. Попой чувствую, его дело куда важней, чем кажется.

Кстати, про инкубов тоже выяснить не мешает. А вот от оборотня и «визитки» лучше держаться подальше, а то мало ли...

И еще. Мне показалось или представления Глебовых товарищей о мире несколько... ошибочны?

Заснуть быстро все-таки не удалось. Первой причиной бессонницы был Глеб – уж слишком тесно прижимался, а на любую попытку отползти реагировал как последний собственник, прижимал еще сильнее. Вторым моментом были мысли, и касались они... того же Глеба.

Наверное, это мазохизм, или сдвиг по фазе, или что-то еще, более глобальное. Ведь нормальная женщина не может столь остро реагировать на мужчину, который несколько часов тому... ну, считай, предал.

Нет, разумеется, у bruneta были причины смолчать во время выступления Мегеры, но когда наличие мотива было поводом не дуться? Хуже того, я таки дулась! Мне было больно и обидно, и неприятно, и вообще! Хотелось встать, одеться и уйти, громко хлопнув дверью, но в то же время... дико хотелось Глеба.

Как смогла это желание в себе задушить? Не знаю. Но о том, как кусала подушку, а потом и одеяло – помню отлично.

Утром тело взбунтовалось опять, только в этот раз бороться было проще – прохладный душ! Благо проснулась я раньше зеленоглазого искусителя, и даже из его объятий выбралась без потерь. И уже там, стоя под струями, которые вызывают отнюдь не романтические мурашки, решила – гордость у меня таки есть. Сдаваться гормонам и Глебу я не намерена.

Решение было железобетонным. Из ванной комнаты я выходила с прямой спиной, расправленными плечами и гордо задранной подбородком. Жаль, споткнулась, когда из глубин спальни прозвучало:

– А под халатиком у нас что?

– Ничего! – рыкнула я. Потом сообразила, что именно сморозила, и попыталась исправиться: – Ничего хорошего!

– Да ладно? – протянул brunet недоверчиво.

Поднялся он раньше, чем я отвернулась, продемонстрировал все свое величие, вкуче с полной боевой готовностью. Стало жарко, словно не было никакого душа и вообще.

– Глеб, у нас в девять переговоры. – Надеюсь, достаточно строго прозвучало?

– Помню, – по-кошачьи улыбнулся он и двинулся навстречу. – Поэтому предлагаю тебе перестать вредничать, и...

Радужки того, кого Арсений назвал высшим инкубом, стремительно краснели, а боевая готовность... черт, она же не может возрасти еще больше! Или все-таки может?

- Никакого «и» у нас не будет! - Я развернулась и потопала к гардеробной. - Кстати, а где сумки?

- Видимо, домработница позаботилась.

Фух! Значит, домработница у него все-таки есть и мне не придется драить весь этот пентхаус! Хоть что-то приятное.

Приоткрыв дверь гардеробной, тут же обнаружила всю коллекцию обуви, а также пару коробок, в которые заботливая, но пока незнакомая мне дама переложила остальные вещи. Фен лежал сверху, равно как и расческа. Черт, надо будет разобрать, разложить...

- Крис, тебе не надоело?

Я развернулась, чтобы еще раз пронаблюдать наготу Глеба Игоревича. Брюнет стоял посреди спальни в позе хозяина - ноги на ширине плеч, руки на груди сложены, губы недовольно поджаты. Во взгляде теперь уже красных глаз, читался укор. И не только во взгляде... Тот, второй, тоже сердито выглядел, и... напряженно.

- Глеб, а давай не будем скандалить с утра?

- Давай, - легко согласился он, опять двинулся на меня.

- Глеб!

- А что? Ты знаешь другой способ избежать скандала?

Было жарко, стало еще жарче. Тем не менее я нашла в себе силы ответить:

- Я знаю десятки способов, Глеб.

- Хорошо, уточним вопрос. Ты знаешь другой способ избежать скандала... со мной?

Когда на тебя надвигается мускулистая обнаженная машина, это страшно. Когда предает родной организм – еще страшней. Благо хоть находчивость проснулась.

– Может, хотя бы душ примешь? Зубы почистишь? А?

Остановился, снова руки на груди сложил.

– А раньше тебя это не останавливало, – хмуро сказал тот, по чьей милости мне теперь опять в душ надо. Причем не обязательно холодный – мне сейчас любой подойдет, ибо вспотела вся. Даже ногти и те, кажется... впрочем, неважно.

– Правила изменились.

– И давно? – вскинув бровь, спросил красноглазый.

– С того момента, как ты меня похитил!

Уголки его губ дрогнули, а глаза... они как будто ярче стали, словно радужки – не радужки, а расплавленная лава.

– Ах вот оно что... – протянуло резко повеселевшее начальство. – Ну ладно. – Потом подмигнуло и добавило: – Никуда не уходи, я быстро.

Не уходи? Ну уж нет!

Едва Глеб скрылся за дверью, я прошмыгнула в гардеробную. Впрыгнула в первые попавшиеся трусики, натянула первый попавшийся костюм. На бюстик пришлось забить, потому как искать тот, который с трусиками сочетается – некогда, а надевать другой – неэстетично. Чулки натягивала уже на кухне, голову сушила там же – благо холодильник стальной и блестящий, при желании вполне сойдет за зеркало.

В процессе побега из спальни обнаружила свою сумочку – она в прихожей, на тумбочке стояла. Так что к моменту появления Глеба я даже накраситься успела! Ну а еще кофе сварить и телик включить.

– Розочка моя... – Нет, Глеб не подобрел. – Ну вот зачем ты так со мной, а?

А затем, что... черт! Ну ты же меня предал, понимаешь? И унизил! И...

Руки шеф убрал, но не отстранился.

– Правила, говоришь, поменялись? – хрипло спросил он. – Что ж, я тоже не прочь... правила поменять.

Он провел пальцем по моей шее и потянулся к первой из трех пуговиц жакета. Я, вопреки решению не подпускать, выгнулась навстречу и простонала:

– Глеб, пожалуйста...

Не ответил – молча расстегнул первую пуговицу.

– Глеб!

– Он самый, – сказал красноглазый. От хрипотцы, звучавшей в его голосе, по телу прокатилась новая волна жара. Или дело в тоне? Слишком ровном, слишком бесстрастном.

Вторая пуговица тоже сдалась на милость победителя, а заодно маленький секрет приоткрыла...

– Мм... ты сегодня развратница, – протянул шеф, скользнув пальцами по лишенной кружевной защиты груди.

Я опять выгнулась, опять застонала.

– Плохая девчонка. Плохая, капризная девчонка, – делано сокрушался шеф, расстегивая третью и последнюю. – И что же мне с тобой делать?

– Понять и простить, – простонала я.

– Не-ет... – протянул... в данный момент красноглазый. – Никогда!

А потом убрал руку, кивнул на расстегнутый жакет и приказал:

– Снимай.

Ужас ситуации заключался в том, что я послушалась. Послушалась, несмотря на то что собиралась не снимать, а наоборот – застегнуть и призвать-таки эту брюнетистую заразу к порядку!

Едва неудобная часть гардероба оказалась на полу, Глеб улыбнулся уголками губ и поднялся.

– Вставай, розочка моя.

И я повиновалась! Мгновенно, безропотно!

– Руку, – снова подал голос он.

И опять слушаюсь. Ведомая Глебом, подхожу к кухонной столешнице, и...

– Обопрись... Нет, ладони чуть дальше... Прогнись...

О, нет!

– Глеб...

– Да, я помню как меня зовут, – прохрипел шеф, задирая и без того короткую юбку.

Очередная волна нестерпимого жара, очередной протяжный стон. Но ужас ситуации даже не в том, что подчиняюсь, а... а в том, что мне нравится. Против того, что творит красноглазый, восстает только разум, но и то исключительно из принципа! Мамочки... наверное, не стоило сдерживаться ночью. Наверное, одержимость Глеба заразна.

– Ох уж эти правила, – прошептал тот, кого Арсений назвал высшим инкубом. – Ох уж эти... правила.

Фейерверк я увидела сразу. Ну то есть вообще сразу, в первую секунду. Как-то не к месту вспомнилась визитка с контактами спецов по звукоизоляции и пожилая пара, которую в лифте встретили. И это все... ну через фейерверк. Одновременно. Стыд, смешанный с наслаждением... бывало, конечно, но не до такой степени.

Глеб замер, дожидаясь, когда волна схлынет. Ласково погладил по спине, потом столь же ласково и спокойно принялся гладить бедра. Ну а когда мое дыхание выровнялось, а вместо многоцветных вспышек перед глазами снова возникла настенная панель с изображением ночного города... вот тогда я не только визитку, я даже телефон той конторы вспомнила!

– Глеб!!!

Абонент был недоступен. Ну то есть вообще. Абсолютно! Он просто делал то, что считал нужным, не спрашивая, не поясняя. Это было приятно, стыдно и невероятно остро. Особую остроту ситуации добавлял тот факт, что Глеб даже не потрудился снять с меня полоску кружева, просто отодвинул ее, и все.

В общем, из квартиры я выходила краснее свеклы. Из подъезда – тоже. На людей и нелюдей (а в том, что тут не только люди живут, сомневаться глупо), старалась не смотреть. Тщательней всего прятала глаза от охраны и почему-то от водителя.

В офисное здание тоже тихой мышкой вошла. А оказавшись в кабинете, безропотно ответила на поцелуй – очень нежный, почти целомудренный.

Ну и окончательно убедилась в том, что собачник не шутил. Что любовь, которой наградила нежданный благодетель, не только большая, но и грязная. Более того, она может стать очень грязной, если... черт, ну почему всегда это «если» выпадает?

Вчерашний прогул (а это, несмотря на присутствие на рабочем месте, именно он и был) не прошел даром. Почтовый ящик оказался буквально завален письмами, и стопка корреспонденции, которую вручили на первом ресепшене, ужасала своей высотой. Для настоящей меня это была паника, а для той, «второй»,

Я успела засыпать в кофеварку зерна и задать программу, когда блондинка таки отмерла.

- Крис, зачем ты так? – и столько настороженности в голосе, столько... страха?

- Как так? – Я резко развернулась и уставилась на собеседницу.

Женщина поджала губы, мотнула головой. Тут же вернулась к поеданию йогурта.

- Вики? – снова позвала я. Черт, все-таки хорошо, что кое-какие знания о новом рабочем месте у меня имеются. – Вики, что случилось?

- Вот только не делай вид, будто не знаешь. – Она не обвиняла, но обижалась. И действительно боялась, чуть-чуть... – И не говори, что не при делах. Это же из-за тебя, это же ты Глеба попросила.

Настроения кокетничать и расшаркиваться не было, желания выглядеть паинькой в глазах коллеги – тоже. Я вообще злиться начинала...

- Попросила о чем?

Женщина все-таки оторвалась от своего полдника.

- Об отстранении Мегеры, – сказала блондинка.

Мое недоумение было не только искренним, но и очень сильным.

- Каком отстранении?

Блондинка смерила еще одним взглядом, нахмурилась.

- Крис, ты не шутишь? Ты действительно не в курсе?

Настала моя очередь мотать головой.

- Мегеру отстранили от дел, сняли с должности и выслали из страны. - Голос собеседницы звучал очень тихо. - И мы думали, что это ты попросила.

- Когда это произошло? - Собственный голос тоже очень тихо прозвучал, на грани шепота.

Блондинка выудила из кармана выдавших виды джинсов мобильный.

- Уведомление пришло вчера, в девятнадцать одиннадцать, - глянув на экран телефона, пояснила блондинка. - Нового смотрящего еще не назначили.

Кто такой смотрящий, мне было глубоко плевать, а вот все остальное... Семь часов? Черт, быть такого не может!

- И с чего вы взяли, что я к этому причастна?

- Ходит слух, будто Мегера тебе нахамила, - помедлив, призналась женщина. - А ты потом Глебу пожаловалась. Я удивилась, когда узнала - не похоже на тебя. Но факт остается фактом, Мегеру отстранили.

Я тоже помедлила, прежде чем признаться:

- Она хамила, но... в общем, это при Глебе было.

Брови блондинки взлетели на середину лба, в глазах - светло-серых, почти бесцветных - вспыхнуло удивление.

- При Глебе? А, ну тогда все ясно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/anna-gavrilova/bolshaya-i-gryaznaya-lyubov-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)